

24 МАИ 1985

Ленинская смена
г. Алма-Ата

МАСТЕРСКАЯ. Какие «хитрости» пения нужны, чтобы голос звучал, как у Мазини? Есть ли секреты такой школы?

Верхнее «до» в каватине Фауста

...Однажды в дом музыкального критика Вильде был приглашен электромонтер. Взобравшись на стремянку, он принялся колдовать над неисправной люстрой и не заметил, как в зал вошла хозяйка дома и села за рояль. Знакомая мелодия заставила юношу на время забыть о работе. Это была ария Хозе. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, монтер запел сначала тихо, а потом, увлекшись, во весь голос. Хозяйка дома как ни в чем не бывало продолжала аккомпанировать. Выпрямившись во весь рост, молодой человек пел, а в дверях, ничего не понимая, стоял изумленный Вильде.

Отзвучал последний аккорд. «А ну-ка, Хозе, слезай со стремянки! Покажись, какой ты есть...»

«Просто Саша», — так представился супругам электромонтер Александр Матвеевич Курганов. Его детские годы были связаны с деятельностью отца-водопроводчика, которого частенько приглашали в дома видных театральных деятелей, театралов, в столичные театры. Его природный вокальный талант раскрывался своеобразно: помогая отцу, — петь, исполняя арии, — работать.

Первые уроки пения он получил в детском хоре Охотничьего клуба в Москве на Воздвиженке. Хор мальчиков был настолько популярен, что маленькие артистов приглашали именитые театры. Например, Большой, во время гастролей итальянского тенора Таманьо для постановки оперы «Кармен». В 1890 году К. С. Станиславский организовал в московском клубе спектакли Общества искусства и литературы. Детский хор на Воздвиженке украшал многие спектакли нового театра. Великий мастер сцены, Станиславский первым заметил способности юного Курганова. Но скудные средства семьи не позволили развиться дарованиям.

Беседа в доме Вильде круто повернула события в творческой

биографии А. М. Курганова. С рекомендательным письмом Саша отправляется к певице М. Н. Климентовой-Муромцевой, у которой получил первые профессиональные уроки вокала. В 1908 году он поступает учиться в музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества (ныне ГИТИС). Одно только имя воспитанника Л. В. Собинова ставит училище в ряд знаменитых.

Незаметно пролетели годы учебы. Курганов стал признанным «графом Люксембургским» и «Цыганским бароном», пел в очередь с баловнем московских и петербургских театров, знаменитым тогда опереточным артистом Ксендзовским. Однажды Курганова пригласили в «Летучую мышь». Нет, не в оперетту, а в так называемый московский театр, который возник из «капустников» МХТ. Вначале это было узкоартистическое общество, куда допускались лишь избранные, затем «Летучая мышь» стала платным ночным театром-кабаре и лишь к 1912 году первым театром миниатюры России. В вечерах «Летучей мыши» принимали участие Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, другие известные в России певцы, деятели театра, ху-

дожники. Как-то к новогодней елке Собинов преподнес «хозяину вечера», талантливому конферансье Н. Ф. Балиеву, картину, выполненную не маслом, а... столовой горчицей. Веселый маскарадный вечер в новогоднюю ночь прошел с участием тогда еще мало известного А. М. Курганова. Так началось его многолетнее знакомство и совместная творческая работа с признанными оперными авторитетами.

Октябрьская революция застала А. М. Курганова в Кисловодске, где в то время труппа Большого театра давала сольные концерты. Участие Курганова в работе позволило директору театра оценить исполнительское мастерство певца, пригласить его для совместной работы. Однако петь тогда на сцене Большого театра Курганову не пришлось. Фронтами гражданской войны в 1919 году он возвращается в Москву. Журнал «Зрелище» писал с восторгом об этом периоде творчества Курганова: «Одной из последних новинок в театре Зиминой была крупнейшая опера Мейербергера «Гугеноты», давно не шедшая в Москве... Подбор исполнителей был отменный. Труднейшая из партий Рауля была поручена Курганову, артисту с

блестящими вокальными данными, техникой, школой... Он должен быть зачислен в ранг первоклассных певцов...»

В 1925 году группа советских певцов едет на стажировку в далекую Италию. В актерскую группу был включен и Курганов. Маршрут пролегал через Берлин и Париж, где певцы выступали с многочисленными концертами. Дальнейший путь — в Чезена, Форли, Милан, Флоренцию, Неаполь, большие и малые музыкальные центры, которые встречали русских певцов не менее восторженно, чем во Франции. Со сцены театра «Ла Скала» Рудольфа-Курганова пригласили в маленький городок Форли, где жил первый тенор мира Анжелло Мазини. С большим волнением Александр Матвеевич узнал, что 84-летний Мазини желает услышать русского певца. После ответственного концерта на его родине Курганов был принят знаменитым тенором и получил у него уроки вокала. Совместная работа с итальянским тенором внесла неповторимый рисунок в вокальное кружево А. М. Курганова. Однажды Мазини, прослушав, как Курганов поет арию Фауста, похвалил его, но при этом заметил, что певцу не хватает «хитрости»

пения. И чтобы стал понятнее смысл его слов, неожиданно запел. Несмотря на годы, голос Мазини звучал легко и непринужденно. Александр Матвеевич вдруг ощутил известное дыхание Мазини и тут же повторил мазиниевское верхнее «до» в каватине Фауста. Учитель жарко обнял ученика: мастер признал мастера.

Итальянская школа сменилась практикой в Париже, Льеже, Гавре, Нью-Йорке, Филадельфии. Советскому певцу рукоплескали Италия и Египет. Во Франции Курганов пел вместе с Шаляпиным. Друзья вспоминали «Летучую мышь», новый 1913 год, первое публичное выступление.

В 1941 году Курганов эвакуировался из Ленинграда. Его путь лежал в Казахстан — помочь молодым казахским артистам на сцене возникающего национального театра оперы и балета овладеть искусством пения. Наступила пора передать мастерство, опыт, знания.

7 ноября 1941 года премьерой героико-революционной оперы «Наргиз» азербайджанского композитора М. Магомаева театр им. Абая начал свою работу в новом, специально выстроенном здании. В годы войны на сцене молодого казахского театра пели народный артист Союза ССР М. Михайлов, народный артист РСФСР Г. Большаков, другие «звезды» страны. В течение девяти театральных сезонов на сцене театра звучал неуязвимый голос Курганова, протекала вокально-педагогическая деятельность певца. В Алма-Ате он отметил свое 60-летие, а в 1943 году — 30-летие сценической деятельности. Несмотря на возраст, он с блеском исполнял партии в «Риголетто», «Демоне», «Русалке», «Фаусте», «Евгении Онегине», «Тихом Доне», «Поднятой целине», выезжал с концертными бригадами в госпитали и воинские части. Многие вокальные номера он исполнял на казахском, грузинском, татарском, армянском, украинском языках.

Заслуженный артист Казахской ССР стоял у истоков создания в Казахстане национальной консерватории. С 1944 по 1959 годы Курганов возглавлял вокальную кафедру первого музыкального вуза республики. Сегодня своего учителя заменил Бекен Жилисбаев. В 1951 году, отмечая подвижническую деятельность Курганова в развитии музыкального искусства и театрального дела республики, ему было присвоено высокое звание заслуженного деятеля искусств Казахской ССР. Школу Курганова прошли в разные годы А. Умбетбаев, Е. Серкебаев, К. Кенжетев, Р. Джаманова, В. Сугак, братья Образцовы и многие другие мастера советской оперной сцены, которые по праву считают Александра Матвеевича своим первым учителем.

С волнением Курганов следил за успехами своих учеников, солистов Казахского академического театра оперы и балета имени Абая. Каждый успешный дебют ученика возвращал ему молодость, вызвал чувство законной гордости. В такие минуты он вспоминал своих первых педагогов, школу Мазини, творческую работу с известными мастерами оперы, сравнивал свои успехи с успехами молодых певцов его школы. Курганов жил учениками и остался с ними...

В 1981 году музыкальная общественность страны отметила 100-летие со дня рождения А. М. Курганова (1881—1981), Алма-Атинское городское управление культуры приняло предложение установить в Алма-Ате мемориальную доску на доме по улице Виноградова, 62, где в последние годы жил мастер русской советской вокальной школы, наставник казахской национальной оперы.

И мне подумалось сегодня, что, спустя пять лет, можно бы вспомнить об этом намерении.

В. ПРОСКУРИН,
журналист.